

При использовании ссылка на журнал «Корни» обязательна.

Семен Августевич
(Россия, Москва)

Ицхак Авербух
(Израиль, Иерусалим)

«Корни»: 15-летний опыт еврейской публицистики

Первый номер журнала «Корни» вышел в январе 1994 года в Саратове. Все эти годы «Корни» были и остаются единственным в России еврейским общественно-публицистическим журналом, продолжающим традиции первых русско-еврейских журналов XIX века «Рассвет» и «Восход». Все эти годы «Корни» предоставляли возможность обсуждать проблемы современной еврейской жизни массовому читателю, просветителям, активистам еврейских общин. Журнал всегда был в центре актуальных проблем национальной культуры, оставался близок и понятен каждому читателю.

О судьбе журнала и о себе, как о создателях журнала, говорят Семен Августевич, его бессменный редактор, и Ицхак Авербух, который в те годы был представителем Джойнта в Поволжье.

Семен Августевич. Каждый раз, когда возникает задача записать разговор, создать его текст, надо представить участников этого события. Мы-то называем друг друга по имени, не вкладывая в это особый смысл, на правах старого знакомства. А читателю мы должны представиться. Давай сразу объяснимся, кто мы для журнала, что журнал значит для нас. Вообще – кто мы?

Ицхак Авербух. Да, это верно. Кто мы? Это хороший вопрос. Знаешь, один летчик однажды забыл в полете свой позывной и запаниковал:

Семен Августевич

– «Земля», «Земля», кто я? Кто я?!
– Вообще-то ты поц*, – отвечает ему «Земля». Но сейчас ты «Сокол».

Этот анекдот я часто вспоминаю. В жизни много ситуаций, когда надо спросить себя: я кто? «Сокол» или поц?

До 1971 года я, Исаак Абрамович Авербух, студент Одесского инженерно-строительного института, готовился стать архитектором. А помимо этого подписывал разные письма-протесты, типа: «Отпусти народ мой», «Наша родина – Израиль».

И вот однажды вызывает меня начальник ОВИРа** полковник Сердюк и говорит:

– Исаак Абрамыч, это ваша под-

пись?

– Моя.

– А эта подпись?

– И эта моя.

– А кто вам дал право клеветать на Родину? Вы говорите, что вас не выпускают, а сами даже не обращались об этом.

Я, начитавшийся самиздатовских правозащитных документов, был смел до неприличия.

– Дайте мне, пожалуйста, бумагу, сейчас обращусь.

И написал:

«Прошу отпустить меня в Израиль». Подумал и добавил: «По-

* **Поц** (идиш) — мужское выражение; используется как ругательное шутовое обращение (например: Ах ты, грязный поц!), возможно произошло от нем. *putz*, «украшение». В русском языке встречается как шутовое ругательство, практически не носит оскорбительного оттенка.

Например,

Одесса 2009 года. Разговор в очереди:

– Посмотрите вон на того гражданина. По-моему, он еврей!

– Не может быть! Все евреи давно уехали!

– А мне кажется, еврей. Давайте спросим.

– Товарищ, извиняюсь, вы случайно не еврей?!

– Я? Еврей? Поц я, а не еврей!

** ОВИР – Отдел виз и регистраций.

тому что там тепло». И подписал.

– Ну, вот, теперь все соответствует, – сказал полковник Сердюк, рассматривая мою бумагу. – 72 часа на сборы вам хватит?

Я растерялся. Такого оборота я от них не ожидал. Не понятно, чего это они вдруг подобрали. Неожиданно как-то. А главное – что стоит за этим? Почему? Только ли ко мне? А родные? Как они?

– Мне надо получить письменное согласие у родителей? – попытался я прощупать полковника.

– Нет, – говорит тот, – не обязательно.

– Ну, в институте надо получить документы какие-то?..

– Не важно, потом как-нибудь.

– Вызов какой-то надо получить из Израиля, наверное?..

– Нет, не нужно.

– Ну, мне же собраться надо, дела, там, всякие закончить. Мне на сборы несколько месяцев нужно.

– Вы, наверное, Исаак Абрамович, не совсем понимаете ситуацию. У вас на сборы 48 часов. И все. ВСЕ!

– Постойте, вы же сказали 72 часа?

– Это было в начале нашего разговора – 72 часа. А сейчас осталось 48 часов. Так что идите и поторопитесь. И не советую с нами шутить.

Я отцу весь этот разговор передал. Он в те годы был в Одессе начальником телефонной станции. Понятно, что в кругу его знакомых и друзей было много людей, которые понимали то, что происходит, лучше, чем я. Отец мне говорит:

– Скорее всего, ситуация резко обострилась. Если этот чекист не хочет шутить, то это не от того, что у него проблемы с юмором. У него, наверное, есть соответствующие инструкции. И он их будет с радостью выполнять. Собирайся. Езжай.

Я до сих пор думаю, что мне здорово повезло.

Мог сесть.

Мог попасть в отказ, остаться без работы, стать не выездным.

Ицхак Авербух

Могли изуродовать в милиции, в тюрьме.
Могло быть еще что-то, похуже.
Но вот, вышло так.

Семен Августевич. И вот, ты приехал в Израиль и стал Ицхаком Авербухом?

Ицхак Авербух. Ты имеешь в виду «Соколом»? Нет, «Соколом» я стал не сразу. А, может быть, еще не стал. Это, я же тебе сказал, философский вопрос – кто я? Как-нибудь, я специально для «Корней» напишу весь свой путь: как я воевал на Синае танкистом, как работал в Вене, как учился в Дании и Австрии. Мне еще предстоит понять свой путь жизни. Знаешь, есть у Михаила Карпачева такие строки:

*...И вопрос мой неутолим:
Для чего Судьба меня так вела,
Волокла в Иерусалим?...*

Ты ведь тоже не сразу стал Семеном Августевичем?

Семен Августевич. Конечно. До мая 1989 года я был обычным преподавателем в институте, и звали меня Семен Иосифович Августевич, доцент, декан и всё прочее. И я себе не представлял, как может повернуться моя жизнь, чтобы еврейское начало заняло в ней центральное место. Я вырос третьим, младшим сыном в обычной провинциальной еврейской семье, где ко времени моего взросления и праздники уже не отмечались, и еврейский дух почти выветрился. Разве что на кухне еще оставалось что-то. Мама была мастерица на еврейские яства. Мясо, рыбу она готовила мастеровски, я успел кое-что перенять у нее. А в части кондитерской – она была лучшая среди всей родни и знакомых. Ее тейглах, лекх, бисквиты, струдели, хоменташен – все считали за эталоны. Сколько раз – я сам был этому свидетель – принесут муку, яйца, сахар: «Двося, у нас юбилей, испеки, пожалуйста». Но я сладкий стол не освоил. А вот мясо, рыбу – пожалуйста.

Ицхак Авербух. Моя семья тоже не афишировала свое еврейство, но и не скрывала его. А как может скрыть свое еврейство Абрам Авербух? Родители прожили по 91 году. И отец, и мать. Они умерли в Израиле. Увидели своих внуков, порадовались. Оба моих сына отслужили в спецподразделениях Армии обороны Израиля. А дочка, младшая, сейчас ей 17 лет, профессионально занимается танцами.

Круглый стол еврейских организаций в Риге. 1989 г.
Слева направо: Танкред Голенпольский, Валерий Энгель, Семен Августевич.

Но мы отвлеклись. Ты почему назвал 1989 год?

Семен Августевич. Вообще-то надо было назвать 1971 год. Я в то время, оказавшись в командировке в Вильнюсе, случайно стал свидетелем, как уезжали евреи. Все контейнеры и грузовые вагоны были расписаны на три месяца вперед, и люди каждый день ходили отмечаться в очереди. Помню потрясение, которое я испытал, когда ходил среди них во время переключки на товарной станции: вот реальные люди, которые нашли в себе мужество податься и уехать.

А в 1989 году я приехал в Ригу на Круглый стол еврейских организаций как делегат от Саратова. После этого вошел в Координационный совет*, затем в ВААД**, и дальше началась моя «офи-

* Координационный совет – неформальная организационная структура, обсуждавшая задачи и формы деятельности будущих еврейских организаций СССР между Рижской встречей и Первым съездом ВААДа.

** Ваад (иврит, идиш) – общественный совет. Традиционная (с XVI в.) надобщинная структура, обсуждавшая вопросы деятельности еврейских организаций.

циальная» жизнь еврейского активиста. И с этого времени я стал называться Семен Августевич.

Ицхак Авербух. А меня в 1990 году разыскал Майкл Шнайдер, тогда генеральный директор Джойнта*, и пригласил сотрудничать. Но главным событием я считаю 18 августа 1991 года, когда я приехал в Москву как представитель Джойнта. Прилетел ночью, поселился в «Интуристе» на Тверской, только заснул – какой-то грохот. Сквозь сон слышу – трактора. Почему трактора? Какие трактора на Тверской, под окнами «Интуриста»? Подошел к окну – танки. Наступило 19 августа**. Ну, думаю, все, приехали.

Но, танки – танками, а жизнь продолжается. И я поехал к Мике Членову, одному из сопредседателей ВААДа.

Я предложил ему создать еврейский театр.

Он посмотрел на меня, как на сумасшедшего. Какой театр, когда в Москву вошли танки?

Но он не выглядел напуганным, скорее – озабоченным. Это давало надежду. Я, помню, подумал тогда, что мы еще вернемся к этой теме.

До этого у меня было много «позывных». Но когда я стал работать в Москве как представитель Джойнта, я стал Ицхаком Авербухом.

Семен Августевич. Мы с тобой познакомились примерно в это время, между 1990 и 1991 годами. У тебя тогда контора была на Зубовской площади, в районе метро «Парк культуры». Но деловые отношения возникли уже позже, в 1992 году, когда ты поддержал идею создания Народного университета еврейской культуры.

Ицхак Авербух. Да, да, а потом – и журнала «Корни». Ты уже к этому времени, не помню, перебрался в Москву или еще жил в Саратове?

Семен Августевич. Суммарно – где-то наполовину, но все

* Джойнт – (англ. буквально – связка, соединение). Здесь – Американский благотворительный распределительный комитет.

** Антиконституционный переворот 19 – 21 августа 1991 г. Утром 19 августа радио сообщило, что Горбачев, находящийся в отпуске в Крыму, по состоянию здоровья не может исполнять обязанности президента СССР, и руководство Советским Союзом осуществляет Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП), который временно берет на себя всю полноту власти. В Москву «для охраны общественного порядка» были введены войска и бронетехника.

больше времени проводил в Москве, потом перебрался окончательно.

А журнал начал выходить, когда офис Джойнта разделился, и ты уехал в Нижний Новгород руководить представительством по Центральной России и Поволжью.

Скажи, а ты верил, что журнал – это на годы?

Как-то, перебирая странички в Интернете, я наткнулся на любопытную рецензию. Рецензент сравнивает «Корни» с языком эсперанто, который создал доктор Лейзер-Людвиг Заменгоф. Внешне все как положено: редколлегия, редактор, статьи, авторы, ученые, интересные истории, тираж. Но для чего? Для кого? Это такое же искусственное образование как искусственный язык. Рецензия была написана на седьмой номер журнала. Это был 1997 год. А мы закрыли 2008 год сороковым номером.

Сорок номеров! 15 лет журналу! Более 500 авторов, свыше тысячи серьезных публикаций! Ты гордишься, что стоял у истоков?

Ицхак Авербух. Это ты хорошо сказал про истоки. Ты помнишь, что после Нижнего Новгорода в 1997 году я перешел представителем Джойнта в Восточную Украину? Так вот, в Харькове с моим приездом стал выходить журнал «Истоки». К сожалению, его путь оказался короче, чем у «Корней». Вышло, кажется, только 10 номеров.

Семен Августевич. Ты ощущаешь себя «отцом» этих изданий?

Ицхак Авербух. Нет, что ты! У меня другое амплуа.

Я тебе объясню, что я делаю.

Как представитель Джойнта, я должен организовать систему распределения среди местных евреев помощи от американских евреев. От частных лиц, подчеркиваю, добровольных пожертвований. Но сразу возникает масса вопросов: в каком виде помощь, кому, сколько? Только ли едой, а может быть, и одеялами? И книгами? А как с детьми? Им нужны школы, детские сады? Праздники надо отмечать? Молиться? Хоронить? И еще сотни вопросов.

Если я сам лично буду решать все эти вопросы, я ничего не успею сделать. Значит, надо найти организации, людей, которые этим будут заниматься. Но таких организаций нет. Значит, их надо создать. Желательно под руководством таких людей, которые смогут двигаться самостоятельно и делать это грамотно. Чтобы, как говорится, мне не пришлось переставлять им ноги.

«Жизнь – театр», – сказал Шекспир. Знаешь, как я это вижу? Есть главный режиссер театра. Он продумал весь спектакль, каждую мизансцену, каждое слово, все, до мелочей.

Есть ведущий актер, на котором держится весь спектакль. Он входит в образ, ищет свою сверхзадачу.

Есть актеры первого плана, которые окружают премьера, второго плана, массовка.

Есть осветители, рабочие сцены, билетеры, наконец. Администраторы. Это очень важные и нужные люди. А как же?

А я сижу на последнем ряду амфитеатра, никому не заметен. Кто я?

Я – автор сценария.

Режиссер говорит: а давайте вместо так – сыграем вот так? Актер говорит: а мне вот эту реплику после этой трудно произносить. Но я здесь не из-за реплики сижу и не из-за мизансцены. А из-за пьесы в целом. А может быть, из-за театра в целом.

Я люблю придумывать развитие сюжета. Это занимательно. Это увлекает, захватывает. Согласись, быть на виду – это совсем другое.

Семен Августевич. Подожди. Я хочу понять кое-что. Если я сейчас зайду в Интернет и наберу твое имя в поисковике, то Google, Yahoo или Яндекс тебя не найдет?

Ицхак Авербух. Найдет или нет – не в этом дело. Для меня есть две реальности, и я их четко разделяю. Есть официальный человек, который связан с организацией Джойнт. Он называется «Директор программ Джойнта в основных регионах СНГ Ицхак Авербух». О нем я не хотел бы много говорить, потому что здесь более важны дела организации, чем фигура одного из сотрудников.

Но есть частное лицо, которого тоже зовут Ицхак Авербух, и это тоже я. И как частное лицо я известен своим друзьям, и своим читателям, и своим слушателям, и своим зрителям, и еще многим другим. Твои любимые поисковики это найдут?

Если Интернет укажет на Ицхака Авербуха – исполнителя бардовских песен, артиста Киевского Театра Поэзии и Песни, певца, автора литературных текстов – то это прекрасно. Я этого не стыжусь, скажу больше – я рад этому.

Но Гуглу или Яндексю нечего делать в планах или отчетах Джойнта.

Семен Августевич. Надеюсь, не из-за каких-то секретов?

Ицхак Авербух. Боже упаси! Каких секретов? Количество инвалидов и стариков, которых поддерживает и кормит Джойнт? Джойнт выпускает кучу разных отчетов, рапортов, буклетов, справочников, в которых рассказывает о своей работе. Джойнт – чемпион мира по отчетам. По принципу: чем больше, тем лучше. Но Джойнт обычно не рассказывает о своих сотрудниках. Ты понимаешь разницу?

Семен Августевич. О, да, конечно. Это еще у Борхеса голос Бога говорит Шекспиру: «Я – тоже не я. Как и ты, Мой Шекспир, который подобно Мне, – всё и никто». Я вспоминаю, как мы встретились однажды в Днепропетровске, еще до твоего отъезда в Киев в 2003 году, и ты с гордостью рассказывал мне о строительстве Днепропетровской синагоги, хеседа...

Ицхак Авербух. Вот тот же журнал «Корни», например. Если рассматривать это издание как решение о его поддержке, как логистическое обеспечение этого решения, как принцип взаимодействия журнала с организациями регионов – то это внутренние отношения журнала с Джойнтом, которые мало кому интересны. А если эти же отношения рассматривать через тексты, авторов, подписку, рассылки, темы статей, публикации – то это все есть сам журнал, его жизнь, книжка, очередной томик, который, хотелось бы, чтобы читатель знал лично, держал у себя на столе и давал почитать друзьям.

Я тебе приведу такой пример. Ставим в Одессе спектакль «Песни одесских подворотен». Поиск режиссера, актеров, поиск финансирования, сценарий пьесы – все это очень интересно, захватывающе, настоящий детектив, но... для очень узкого круга. Для организаторов. А для зрителей, публики, прессы – торжественное открытие, праздник, потрясающие музыканты (группа «Мамины дети»), настоящие одесские артисты, выросшие в одесских двориках, впитавшие с детства одесскую речь, чувствующие ее органически, как материнскую грудь. Я настолько был всем этим увлечен, что сам сыграл в этом спектакле. И горжусь этим.

Так вот, как артист этого спектакля – я на виду. А как продюсер – я в последнем ряду балкона.

Семен Августевич. Очень хорошо это понимаю.

Скажу больше: мне симпатична эта позиция. Я сам стараюсь разделять эти роли – автора и редактора, как могу, рассказываю об этом читателям. И на сайте журнала shorashim.narod.ru, и в различных статьях, и в устных выступлениях.

Ицхак Авербух. Ты сам пишешь в журнал? Ты сам публикуешься в журнале?

Семен Августевич. Гораздо реже, чем хотел бы, и намного меньше, чем мог бы. У меня выходит больше статей, чем рассказов. Иногда мне кажется, что статьи – это важнее, чем рассказы.

Ицхак Авербух. Какие статьи? О чем?

Семен Августевич. Ну, например, о еврейском национальном просвещении. Или о еврейской прессе. Большой такой обзор. Сам понимаешь, меня эта тема волнует.

Ицхак Авербух. Какая она острая, принципиальная, мобильная – верно? – эта наша еврейская пресса?

Семен Августевич. Да уж... Мы-то с тобой знаем, что еврейская пресса представляет собой фактически пересказ того, что отправлено спонсору в отчете о расходовании средств. Нет, я в статье хотел рассказать, что пресса, по крайней мере, журнал...

Ицхак Авербух. «Корни»?

Семен Августевич. Да, «Корни», например. Или газета какая-то. Вообще любое, подчеркиваю: любое национальное издание должно быть трибуной, где люди рассказывают о своем национальном самосознании. Ни о чем другом национальная пресса не может рассказать так интересно, ничем другим она не может привлечь к себе внимание. Ну, в самом деле, не новости же пересказывать вслед за миллионными тиражами центральных газет. В своей национальной газете или журнале я, как читатель, хочу узнать, что чувствует мой соплеменник в той или иной ситуации, когда фактор национальности, национальной культуры становится решающим. Знаешь почему? Потому что в этом соплеменнике мы видим себя, сравниваем с собой, через него пытаемся понять себя.

Мы же с тобой знаем, что в разное время переживание своего национального чувства разное. Помнишь, начало 90-х? Восторг, радость, энтузиазм! Все учат иврит! Все отмечают праздники! Все на Пурим угощают друг друга хометашами. Потом приходит интерес к более глубоким вещам. Сегодня даже о трагичных днях немецкой оккупации, о массовых расстрелах люди вспоминают по-другому, иначе, чем когда только эта тема вышла из-под цензуры.

На что, в конечном счете, направлена деятельность различных еврейских организаций? На поддержку и развитие национального

самосознания. К этому сводится все, что делается всеми участниками гигантского спектакля под названием «еврейская национальная жизнь», как ты говоришь, и ведущими актерами, и рабочими сцены.

Вот еврейская национальная пресса должна заниматься этим делом. Она должна людям помогать высказывать эти чувства и мысли. Потому что чувство своего национального самосознания многогранно и индивидуально. Сейчас я его переживаю так. Через год – иначе. Через два – совсем по-другому. Это же само-сознание. Сознание самого себя. А я постоянно меняюсь. И, к тому же, воспринимаю себя также по-разному.

Чем оно питается мое самосознание? На что ориентируется? На кого равняется? Все эти вопросы деликатные, тонкие, они волнуют всех, потому что возникает ощущение, что мы все вместе, хотя каждый, вроде бы, сам по себе.

Ицхак Авербух. Мне это все понятно. Я много занимаюсь организационной работой, логистикой, как сейчас говорят, но мне всегда было важнее содержание работы.

Ты уверен, что еврейский журнал – это действительно литература? Или это только форма национальной активности?

Семен Августевич. По большому счету «Корни», «Истоки» и подобные журналы создали новое направление в литературе. Это не беллетристика, не художественная проза, не придуманные истории и диалоги. Я называю эту литературу народная публицистика. Это такие издания, в которые авторы приносят свои размышления. Время от времени в человеке просыпается желание поделиться своими мыслями, ощущениями, думами, представлениями. О себе, о своих близких, о тех, кто оказал на него влияние, изменил его жизнь. Тематика может быть очень широкая, главное – это размышления, где есть воспоминания, поступки, выводы, портреты, оценки.

Если не мешать себе самому, если дать возможность записать эти размышления, то получается описание реальности. Сегодняшней, вчерашней, будущей – в данном случае неважно. Отражение реальности – главная отличительная особенность такой литературы. Эта литература последнее время становится очень популярной. Выставки специальные проходят, книжные ярмарки. Называется – нон-фикшен («Non-fiction»), документальная проза. В смысле – непридуманная. В отличие от «fiction», то есть, говоря по-русски – фикции, то есть не существующего, например, от беллет-

ристики, от фантастики, от литературы, где автор придумал героя, его действия, поступки и слова. Нон-фикшен – это почти журналистика. Не совсем, но очень близко. Мне кажется, все больше народу отказывается читать так называемую «художественную литературу», которая почти вся fiction.

Ицхак Авербух. Нон-фикшен – это еще не гарантия, что такая литература будет полезна для еврейской жизни. Мне однажды попал на глаза журнал российских немцев, ежемесячник. Тоже, кстати, 1997 год. Чего там только не было! И как доски стругать, и как виноград выращивать, и как детей воспитывать и как химические реакции проходят. И одна статья про Гёте. И все – нон-фикшен.

Там только про немецкую культуры ни слова не было сказано. Знаешь, как этот сборник назывался? ИОРН. Информационно-образовательный ежемесячник российских немцев. Такой «гут йор» – «добрый год».

Мне этот спор: фикшен – нон-фикшен напоминает спор о бардовской песне. Если поет человек под гитару песни, которые сочинил непрофессиональный автор, то это народное, а значит – правильное. Не уверен в этом. Я гитару взял в руки еще задолго до Израиля. Как приличный еврейский ребенок, я учился музыке. А как же? Я сам сочинял и пел разных авторов. Выступал на конкурсах и бардовских фестивалях. Поэтому могу говорить как бард (звучит для меня – непривычно, я так себя не называю). А могу тебе сказать как артист Киевского Театра Поэзии и Песни, где я играю в спектакле по творчеству Александра Галича. Жанр – это очень важно. Но содержание – это все.

Многие еврейские издания погубили местечковость, отсутствие вкуса, малограмотность, мелкотемье.

Я в бытность свою представителя Джойнта в Восточной Украине, а потом – в Киеве и Одессе больше всего боялся таких изданий, которые не столько бы притягивали людей к общине, сколько отталкивали.

Семен Августевич. Да, это верно. Мне всегда очень трудно отказывать людям, которые приносят слабые, примитивные тексты в журнал. Но я понимаю: если планку опустить – это гибель для журнала.

А что ты говорил про Киевский театр?

Сцена из спектакля «Больничная цыганочка»

Ицхак Авербух. Спектакль называется «Больничная цыганочка». Это драматический спектакль по песням Александра Галича. Знаешь, как он начинается? В психиатрической лечебнице. Там живут: Ветеран, Пролетарий, Интеллигент, Сиделец – любимые персонажи Галича. Но постепенно начинает казаться, что вся наша жизнь – сумасшедший дом, в котором трудно, если вообще возможно, остаться нормальным человеком...

Вот, кстати, о жанре. Спектакль состоит из песен, и только из них. Но в то же время это цельное драматическое произведение – с завязкой, развитием сюжета, кульминацией, развязкой. Жанр этот уникален. Он называется «фарс-гиньоль». Конечно, жанр значит много. Но определяющее – это стихи и песни Галича. Автор идеи и душа спектакля – Семен Рубчинский,

И. Авербух в спектакле «Больничная цыганочка»

человек творческий, безграничной энергии и фантастического организаторского таланта. Поставил спектакль Игорь Славинский. Он же сам и играет там. Вместе с Тимуром Бобровским, Борисом Георгиевским, Сергеем Джигурдой, Николаем Чернявским, автором сценария. Мне этот опыт дал очень много. Тоже отдельная тема. Я с Галичем познакомился еще в Москве, а потом встретился на радио «Свобода» в Мюнхене. Галича в отличие от Окуджавы и Высоцкого запрещали. Его исключили из всех творческих союзов, он погиб в эмиграции. Он был опасен: называл подлецов – подлецами, стукачей – стукачами.

*«И все-таки я, рискуя прослыть
Шутом, дураком, паяцем,
И ночью, и днем твержу об одном:
Не надо, люди, бояться!»*

Песни Галича невозможно исполнять – их можно только прожить. Поэтому в спектакле участвуют не профессиональные певцы, а известные на Украине барды и актеры. И для меня честь, что я выступаю вместе с ними.

Но у меня есть и одесский опыт, я тебе рассказывал. Это когда в апреле 2008 года «Театр на Нежинской» поставил спектакль под названием «Бычки в томате» (Песни одесской подворотни). Я в этом спектакле был и актер, и продюсер, и автор идеи, и носитель одесской культуры. Это такое естественное синкретическое единство пения, танца, инструментальной «клейзмер»-музыки. Каждая песня – отдельный спектакль. Режиссер Игорь Лучинкин. Он объединил профессиональных актеров во главе с заслуженной артисткой Украины Юлией Скарга и инструментальный ансамбль «Мамины дети». Музыканты органически участвовали в драматическом действе. Понятно, что одесский говор, многозначность одесской экспрессивной речи, по сути, сами по себе уже представляют собой компонент спектакля, придают ему особую утонченность. А в целом – это было, как писали одесские журналисты, «два акта уникальной одесской духовности, в которых оптимизм и жизнеутверждение соседствуют с тонким юмором, интеллигентностью и народностью».

Но вернемся к «Корням». Где ты находишь авторов? Как ты поддерживаешь отношения с организациями на местах? С их руководителями?

И. Авербух в спектакле «Бычки в томате». Фото с сайта www.galerka.com

Семен Августевич. Ты знаешь, это самые существенные вопросы.

Авторы к нам приходят сами. За всю историю журнала мы ни разу не заказали ни одну специальную статью. У нас нет штатных литераторов, которые специально пишут для журнала. Материал приносит почта. И его столько, что хватает на много номеров вперед. У нас своя ниша. Мы не представляем какую-то конкретную организацию, какую-то определенную позицию в национальной жизни.

Мы открыты для всех и – независимы. Это здорово упрощает жизнь. За все время существования журнала никогда, ни с кем ничего не согласовывали. Мы выходим на бумаге, а это значит, что читатель может снять с библиотечной полки любой номер, и за каждое слово мы готовы отвечать не краснея.

В начале 2000-х годов мы увлекались проведением читательских конференций по материалам журнала. Рассказывали о них на сайте журнала. Очень интересная форма работы, хотя и трудоемкая.

Мы не претендуем на исключительность. У организаций есть другие формы и методы работы, есть кроме нас и другие издания. Но те, кто тесно с нами связан, связан общинно, лично, индивидуально. С теми мы очень тесно сотрудничаем.

Я тебе приведу как пример город Липецк. Там живет исключительный человек, кстати, твой коллега, почетный строитель города, главный инженер центральной проектно-строительной организации Липецка. Человек поразительной скромности, всей душой привязанный к еврейству, к своим корням (он родом из довоенной, как тогда говорили, Западной Белоруссии). Это Мирон Владимирович Мордухович. Он пишет в журнал часто. Но, главное, он всей своей жизнью рассказывает о еврействе.

Это по проекту Мордуховича, под его контролем и руководством, в центральном районе города построили синагогу. Поступок! Но когда я узнал, что Мирон Владимирович сам написал краткую историю евреев, сделал ее в виде такой книжки-раскладушки и дарил всем своим гойским и негойским друзьям-знакомым, чтобы знали то, что должны были узнать в детстве, меня это поразило не меньше. Естественно, что, опираясь на Мирона Мордуховича, Ольга Замятина, директор местной еврейской организации, предложила создать у них в Липецке «Общественную редакцию» нашего журнала. Обсуждать материалы, готовить новые, организовывать тематические вечера. Дело теперь за спонсорами, в том чис-

ле и за местным отделением Джойнта. Знаю, что к ним в Липецк приезжал координатор из Москвы, может быть, оценят уникальность этой ситуации.

А из украинских примеров я мог бы назвать Бориса Натановича Карпа из Луцка. Он много лет помогал местным историкам-краеоведам, в частности, Владиславу Наконечному, которые восстанавливали и обустроивали в городах и местечках Волыни еврейские захоронения, издавали книги по истории евреев Волыни. Вот уже много лет Борис Натанович внимательно следит за жизнью нашего журнала, заботится о нем, сам выступает на его страницах, помогает местным организациям установить с нами связь. Для нас это очень важно, потому что еврейство Западной Украины своеобразно, мы здесь, в России не всегда можем правильно понять и оценить местные события.

Знаешь, о многих авторах мог бы рассказать. Поразительные люди! С некоторыми наши связи держатся чуть ли не с первых номеров. Помнишь Цилю Наумовну Сегаль из Самары? Она ведь выпускает в городе свой журнал – «Шомрон». Я считаю – это культурный подвиг.

А из новых авторов мог бы назвать Марка Берколайко из Воронежа, обладающего удивительно оригинальным взглядом на историю и современную жизнь. И Виктора Кузнецова из Москвы, который умеет находить вокруг себя людей удивительной судьбы и рассказывать о них.

Совершенно отдельная тема – читатели журнала, его подписчики. Я не хочу говорить об этом вскользь, на бегу. Давай как-то вернемся к этой теме, я расскажу тебе, как журнал ищет и находит своих читателей, а читатели – журнал.

Ицхак Авербух. Да, действительно, эта тема интересна. Я рад, что журнал живет, что «Корни» молоды и свежи. Текст, литература, книга – это очень еврейская составляющая жизни.

Недаром говорят, что мы народ Книги. У меня такое впечатление, что мы не можем остановиться, и пишем, пишем... А посмотри с другой стороны. У разных народов есть свои обряды инициации, то есть посвящения, вхождения в общность. У одних – надо убить крокодила, у других – догнать ягуара, третьи считают человека зрелым, когда он с девственницами разберется, тоже неплохое занятие, согласись.

И только у евреев юноша признается общиной, когда он публично демонстрирует, что не только умеет читать, но еще может и

комментировать, обсуждать прочитанное. Чего бы там злопыхатели ни говорили – это очень яркое культурное отличие.

«Корни» уже совершенно взрослое издание, свою Бар-мицву они прошли два года назад.

Желаю и дальше удачи и успехов!

Семен Августевич. Помнишь, на первых номерах журнала мы писали девиз, ты еще помогал нам с переводом: «Хапес эт а-менора вэгале шорашим» — Следуйте за светом меноры и находите свои корни. Этот призыв еврейской философии дал журналу имя — «Корни». Мне кажется, призыв актуален и сейчас.

Рецензент в 1997 году риторически вопрошал: хватит ли у издателей энтузиазма выпускать журнал еще несколько лет? Как видишь, первые полтора десятка лет мы продержались. Давай назначим встречу еще раз через 15 лет. Встретимся и посмотрим.

А чтобы мы узнали друг друга, будем держать в руках томики «Корней».

Об авторах.

Августевич Семен Иосифович – родился 3 декабря 1937 года в Саратове. Доцент Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова, руководитель Учебного центра Открытого университета Израиля в Москве, главный редактор журнала «Корни».

Авербух Ицхак – родился 29 января 1948 года в Одессе. Окончил Одесский инженерно-строительный институт. С 1971 года живёт в Израиле, в Иерусалиме. Директор программ Джойнта в основных регионах СНГ. В свободное время – актёр Киевского Театра Поэзии и Песни. Автор и исполнитель бардовских песен.

Опубликовано в журнале «Корни» №41, стр. 5-22и на сайте <http://shorashim.narod.ru/best.html>

При использовании ссылка на журнал «Корни» обязательна.